

А.Н. Кравцов

ОТЪЕЗД В АВСТРАЛИЮ КАК ПОГРУЖЕНИЕ В НИРВАНУ: К 90-ЛЕТИЮ ЛИТЕРАТУРНОГО ДЕБЮТА Г. ГАЗДАНОВА

Как известно, первая публикация Гайто Газданова (1903–1971) состоялась в 1926 г., когда его рассказ «Гостиница грядущего» вышел в сдвоенном номере 12–13 пражского издания «Своими путями». Поскольку нумерация была сквозная, то указанный номер явился первым в том году, но, увы, последним в двухлетней (1924–1926) истории журнала¹.

Рядом с дебютным произведением Газданова были помещены рассказы других молодых прозаиков русского зарубежья, представителей так называемого «незамеченного поколения», Н. Еленева, Б. Сосинского, И. Тидемана, А. Воеводина. Их имена остались лишь в памяти специалистов, тогда как писатель Газданов явился открытием не только для русского зарубежья, но для всей русской литературы XX столетия.

Уже само название того первого рассказа указывало на бег времени и остановку в путешествии, на ночевку в новом незнакомом городе. Этот мотив позднее продолжится во многих других произведениях Газданова, и всякий раз его фоном будет служить реально существующее географическое место. В дебютном произведении в некую «гостиницу грядущего» приезжает единственный постоялец с чемоданом (Ульрих), который появляется лишь для того, чтобы подчеркнуть разницу «между грядущим и прошлым»². Все остальные жильцы – постоянные. Сам рассказ по мере его прочтения отчетливо напоминает постановку современной пьесы, на сцене которой показана гостиница в несколько этажей, а действующие лица и характеры выхвачены в строго определенный момент их бытия. Затем – сценарий их шагов («шаги вошли»³), поступков, реплик. И хотя уже с первых строк Газданов вводит читателя в экзотический антураж («швейцары медлительны, как крокодилы»⁴ и «я на экваторе»⁵) постепенно становится очевидным, что под этой гостиницей

*КРАВЦОВ
Андрей
Николаевич
(Мельбурн,
Австралия),
кандидат
филологических
наук,
куратор
издательского
проекта
«ЧтецЪ»*

вне времени подразумевается парижская жизнь со своими типичными героями и жителями. Срез парижской жизни на примере пятиэтажного дома.

Возникает невольный вопрос – почему автором для отображения города и его характерных обитателей выбрана гостиница? Видимо потому, что для Газданова любая человеческая жизнь – временное обиталище. В этом он близок к восточной мудрости: «Мы – только гости в этом бренном мире».

Почему газдановская гостиница – гостиница грядущего? Пожалуй, из-за характера размышлений и надежд о будущем, что типично, по замыслу автора, для парижан – обитателей его рассказа.

В то же время, допустим, если Газданов назвал бы свое произведение «Гостиница будущего», то, конечно, это выглядело бы из разряда научной фантастики, да и семантика слова «грядущее» переключается с присказкой «на сон грядущий», чтобы читатель смог установить время действия сюжета. Дальше автор вновь напоминает об этом времени суток («раз в сутки в Париже бывает вечер»⁶ и «идите спать»⁷).

Таким образом, обобщая оба намека Газданова, высказанные им уже в названии рассказа, мы видим, что жизнь парижанина протекает накануне полуночи, на границе сумерек и тьмы, на грани мрака. Это тем более легко устанавливается по повествовательной канве, по характеристикам героев и сюжету самого рассказа. Души его героев как бы находятся на земле временно, в «путешествии»⁸.

Тема «путешествия» как состояния души продолжена и в других произведениях Газданова, но всякий раз оттенена своими особыми настроениями, а впоследствии и реально существующими географическими пунктами. Так, в более поздних его произведениях возникает мотив Австралии, куда стремятся герои книг Гайто Газданова.

Чем же была Австралия для Газданова – мечтой, куда стремился он сам вслед за своими героями, или небытием, куда он их «высылал», неприкаянных и мятущихся? Как указывают современные исследовательницы творчества Газданова, «хотя его герои собираются побывать на пятом континенте или уже направляются туда, но они никогда не достигают физически зримой территории Австралии в настоящем времени»⁹.

Известно, что черные лебеди – эндемичные для Австралии птицы. Так, рассказывая о планируемом самоубийстве, герой рассказа «Черные лебеди» (1930) Павлов заявляет: «В сущности, я уезжаю в Австралию»¹⁰. Однако из его рассуждений ясно, что смерть Павлов воспринимает не как абсолютное небытие, а скорее как существование в другой реальности, как путешествие в иную, лучшую жизнь. Австралия для него, как и для героя-повествователя из рассказа «Товарищ Брак» (1928), готового отправиться вместе с друзьями на ее завоевание, – понятие не географическое, а скорее метафизическое¹¹. При этом, говоря об Австралии и населяющих ее черных лебедях, автор вкладывает в уста Павлова уверенность, что «это какая-то другая история мира, это возможность иного понимания всего, что существует»¹², и сам же подтверждает его слова, когда пишет, что «Австралия была единственной иллюзией этого человека»¹³. Вновь эта грациозная австралийская птица возникнет у него в романе «Возвращение Будды», причем с явно мрачной, как и ее цвет, коннотацией – «трагическая красота черного лебедя»¹⁴.

Детально описанному, предельно конкретному Парижу у Газданова часто противопоставлена Австралия, хотя она не является непосредственным местом действия ни одного из его романов или рассказов¹⁵. Конечно, Австралия в восприятии многих – континент, а значит и остров. Прежде всего с географической точки зрения. Для Газда-

нова же, если Австралия и остров, то остров не на карте мира, а в сознании. Остров как место уединения, если и обитаемый, то скудно населенный. Каковой, в сущности, Австралия и является по сей день. В его произведениях не только пятый континент, но и иные «дальние земли» изображаются в виде целостности. «Герои никогда не уезжают в Мельбурн, Тунис или Нью-Йорк – они уезжают в Австралию, Африку или Америку. Такая целостность, акцентируемая писателем, уравнивает крошечные острова и огромные континенты, воспринимаемые как острова большие»¹⁶. Стремящийся в Австралию Павлов видит континент как остров, причем в его сознании он воспринимается дихотомично, двояко – как окруженная водой суша, и как надежда среди невзгод и драматичной жизни: «Австралия <...> соединила в себе все желания, которые когда-либо у него появлялись, все его мечты и надежды. Мне казалось, что если бы он вложил всю силу своих чувств в один взгляд и устремил бы глаза на этот остров, то вокруг него закипела бы вода»¹⁷.

В очередной раз к австралийской теме Газданов возвращается в рассказе «Железный Лорд» (1934), якобы основанном на воспоминаниях из детства автора. Здесь упоминается родственница героя, исколесившая весь мир в поисках своего счастья (вновь переключка с героем рассказа «Черные лебеди») и в итоге «тетка вышла замуж за португальского консула в Мельбурне»¹⁸. К слову, почему среди множества австралийских топонимов, в данном случае у Газданова, возник именно Мельбурн? С большой долей вероятности можно утверждать, что это связано с профессиональными обязанностями «мужа» тетки героя, консула Португалии. Как известно, дипломатические представительства практически всегда располагаются в столицах государств, а в те годы (рукопись Газданова датирована 1932 г.), именно Мельбурн являлся главным городом Австралии.

Вновь Мельбурн возникнет в книгах Газданова лишь спустя два десятилетия –

сначала в романе «Возвращение Будды» (1949–50), а затем – в рассказе «Письма Иванова» (1963). В этом рассказе его герой Николай Францевич под вымышленным именем Иванов рассылает из Парижа письма незнакомым, но влиятельным лицам, с просьбой о материальной помощи. Делает он это ради надуманной иллюзии материального благополучия, которого отчасти добивается. Один из его адресатов находится в Мельбурне. Но это лишь косвенное упоминание Австралии, как и множества других географических топонимов в книгах Газданова.

Гораздо интереснее рассмотреть образ Австралии в романе «Возвращение Будды», где в результате трагических обстоятельств в жизни героя (душевная болезнь и заключение в тюрьму по подозрению в убийстве) происходит разрыв его романтических отношений с австралийкой Катрин. За время их размолвки и его исчезновения она выходит замуж за английского художника, и молодожены отбывают в далекий Мельбурн из-за чего, казалось бы, Австралия пропадает из жизни героя, а значит и со страниц книги, навсегда. Год спустя после этого он пытается разыскать Катрин и узнает об ее отъезде. Прекращению их взаимоотношений отчасти способствовали длительные приступы психического заболевания и депрессии героя. Собственно с этого начинается повесть: «Я умер, – я долго искал слов, которыми я мог бы описать это <...> я умер в июне месяце, ночью, в одно из первых лет моего пребывания за границей»¹⁹. Затем, спустя несколько месяцев, он получает от Катрин письмо, из которого узнает о ее разводе. К тому времени он и сам обрел «двойную свободу»²⁰ – его освободили из тюрьмы и излечили от душевного недуга, что вдохновляет героя на поездку в Австралию, в мечте о воссоединении с любимой. Очень характерно, что Газданов преднамеренно отправил на пятый континент Катрин, чтобы вслед за ней туда увести своего героя. Ведь в представлении европейцев тех лет именно Австралия

являлась далекой и неизведанной, но вместе с тем райской планетой. На это указывают Горницкая и Ларионова, когда пишут, что движению героя к «обретенному раю», коей выступила Австралия, «способствуют два персонажа – Павел Александрович Щербаков и Катрин. Именно благодаря сопричастности истории скорого взлета и последующего убийства Щербакова рассказчик избавляется от недуга, а полученное наследство позволяет ему уехать в Мельбурн»²¹. В стремлении к встрече с Катрин он пытается восстановить прежние, утраченные механизмы защиты: «Я искал у нее защиты, я очень устал от одиночества и отчаяния, и я думал, что теперь, почему-то именно теперь, я заслужил право на дружную жизнь»²².

В Австралию, словно в нирвану, погружает автор влюбленного в Катрин героя, а поскольку повествование идет от первого лица, то погружает и себя, и приглашает погрузиться вместе с ним всех тех читателей, кто нуждается в преодолении собственной жажды бытия, привязанностей, привычек. Тех, кто хотел бы полной отрешенности. Именно отъезд в Австралию – это путь, ведущий к прекращению страдания²³. Прошедшее лейтмотивом через весь роман исчезновение, путешествие и возвращение статуэтки Будды, по словам героя, не что иное, как «томительное ожидание этого далекого [в Австралию] морского перехода»²⁴.

Подобные мотивы буддистской философии проявляются и в других произведениях Газданова. Так, в его самом значимом романе «Вечер у Клэр» (1930), когда герой вспоминает о своем путешествии, то, по мнению С.М. Кабалоти, в тексте присутствуют признаки «буддийского гештальта: “далекий ландшафт островов Индийского океана”, где герой никогда не бывал <...> не столько географическая реальность, как некая символическая и метафизическая сущность»²⁵.

Конечно, мотив путешествия, дороги, столь характерный для всех без исключения произведений Газданова обусловлен общим для эмигрантской литературы ощущением выброшенности, бегства, оторванности от родной страны²⁶. Дополнительно к этому естественное в таких условиях чувство отчужденности, помноженное на изгнанничество, принимало особую остроту и специфику. Это происходило на фоне именно тогда переживаемой на Западе проблемы метафизического одиночества человека перед лицом абсурда жизни, ставшей одной из центральных во всей философии и литературе экзистенциализма²⁷. Ведь, по выражению В. Вейдле, «человек <...> одинок в своем прошлом, образы которого, населяющие его память, также извне предстоят ему, как и вещи и люди, с которыми он сталкивается в настоящем»²⁸. И хотя сам Газданов утверждал в одном из своих писем, что лишь в одной его книге («Вечер у Клэр») события происходят в России, которую он почти не помнит, так как покинул ее совсем молодым человеком²⁹, на самом деле как минимум в 14 его романах и рассказах тема России так или иначе прослеживается – через воспоминания героев, через их связи и характеры. Движение его героев не направлено в Россию физически, но они устремлены туда психологически, когда вместо упоминающихся на страницах книги Бомбея, Италии, Южной Америки, Австралии все равно прослеживается русская сторона – в языке, характерах, воззрениях, поступках. Оттого проистекают его судорожные и безуспешные попытки воплощения, бесплодное стремление найти свое место в мире, которое, в силу неизвестных причин, было давно потеряно, как воспоминание о прошлом. Наиболее ярко это видно из двойной жизни писателя, который днем занимался литературой, учился в Сорбонне, посещал творческие гостиные, а ночами работал таксистом. Из-за таких

жизненных неурядиц он не имел средств, чтобы путешествовать. Потому путешествовал в своих книгах.

Это подтверждается тем фактом, что Газданов, как известно, в 1930-е годы намеревался вернуться из парижской эмиграции на родину. В связи с этим он вел долгую переписку с Максимом Горьким, который отметил его творчество еще в 1920-е годы. Горький обещал содействие в вопросе его возвращения в Советскую Россию. Главный мотив возвращения Газданова – увидеться с больной умирающей матерью, увидеться, быть может, в последний раз. Ее из Владикавказа к нему также не отпускали. Но свидеться им так и не довелось – сначала умер Горький, со смертью которого рухнули надежды Газданова, а в 1939-м умерла мать Вера Николаевна Абациева.

Но что же тогда семантически коренилось для Газданова в той Австралии, куда стремились его герои? Вероятно, спокойный край, вдали от невзгод и жизненных катаклизмов, куда он сам стремился уехать за тридевять земель не телом, но мыслью и душой. Его Австралия – не пятый континент на карте мира, а остров в океане невзгод, высадившись на который можно наконец-то спокойно вздохнуть и заняться любимым делом – творчеством. Ведь в «гостинице грядущего» его настолько сильно отвлекают от дела, что он уже готов покинуть ее и заявляет в связи с этим, что «если рай хоть немного похож на эту улицу, то мне остается только пожелать, чтобы меня выгнали возможно скорей»³⁰.

Примечания

- ¹ Подробнее об издании см.: Петрова Т.Г. «Своими путями» (Прага, 1924. Октябрь-ноябрь – 1926. Июнь. № 1/2 – 12/13) // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. – М., 2000. – Т. 2.: Периодика и литературные центры. – С. 422–426.
- ² Газданов Г. Гостиница грядущего // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 1. – С. 497.
- ³ Там же. – С. 498.
- ⁴ Там же. – С. 493.
- ⁵ Там же. – С. 494.
- ⁶ Там же. – С. 496.
- ⁷ Там же. – С. 499.
- ⁸ См.: Кабалоти С.М. Поэтика прозы Гайто Газданова 20–30-х годов. – СПб.: Петербургский писатель, 1998. – С. 52.
- ⁹ Там же. – С. 134.
- ¹⁰ Газданов Г. Черные лебеди // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 1. – С. 676.
- ¹¹ См.: Кабалоти С.М. Поэтика прозы Гайто Газданова 20–30-х годов. – СПб.: Петербургский писатель, 1998. – С. 127.
- ¹² Газданов Г. Черные лебеди // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 1. – С. 675.
- ¹³ Там же. – С. 676.
- ¹⁴ Газданов Г. Возвращение Будды // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 3. – С. 249.
- ¹⁵ См.: Кабалоти С.М. Поэтика прозы Гайто Газданова 20–30-х годов. – СПб.: Петербургский писатель, 1998. – С. 134.
- ¹⁶ Горницкая Л.И., Ларионова М.Ч. Место, которого нет... // Острова в русской литературе. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – С. 135–136.
- ¹⁷ Газданов Г. Черные лебеди // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 1. – С. 676.
- ¹⁸ Газданов Г. Железный Лорд // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 2. – С. 401.

- ¹⁹ Газданов Г. Возвращение Будды // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 3. – С. 139.
- ²⁰ Там же. – С. 278.
- ²¹ Горницкая Л.И., Ларионова М.Ч. Место, которого нет... // Острова в русской литературе. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – С. 163–164.
- ²² Газданов Г. Возвращение Будды // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 3. – С. 278.
- ²³ Комментарии // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 3. – С. 711.
- ²⁴ Газданов Г. Возвращение Будды // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 3. – С. 294.
- ²⁵ Кабалоти С.М. Поэтика прозы Гайто Газданова 20–30-х годов. –СПб.: Петербургский писатель, 1998. – С. 198.
- ²⁶ См.: Там же. – С. 52.
- ²⁷ См.: Там же. – С. 251.
- ²⁸ Вейдле В. Жан-Поль Сартр // Последние новости. – Париж, 1938. – 23 июня. Цит. по: Кабалоти С.М. Поэтика прозы Гайто Газданова 20–30-х годов. – СПб.: Петербургский писатель, 1998. – С. 251.
- ²⁹ Письмо А.А. Хадарцевой // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 5. – С. 148.
- ³⁰ Газданов Г. Гостиница грядущего // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 1. – С. 494.